

«Мирно и дружно жили»

Своими воспоминаниями о жизни посёлка Коммунар и военном детстве поделилась учительница Надежда Григорьевна Яковлева.

1936 года в городе Колпино. А в 1937 году папу, Лукьянова Григория Евдокимовича, арестовали по политической статье. Мама, Полина Еремеевна, попыталась найти правду, ездила на Литейный проспект. А там ей сказали: «Если ты, бабка, ещё раз сюда придёшь, арестуем и тебя». Всю оставшуюся жизнь мама боялась людей в милицейской форме. Стоило встретить милиционера на улице, как её начинала бить дрожь. Мама собрала детей, а нас у мамы было трое, и уехала в Алма-Ату.

А уже в начале 1938 года, я помню всё это из рассказов мамы, мы приехали жить в посёлок Коммунар. Посёлок был маленький, весь утопал в зелени. Жили мы тогда в бараке, что стоял у бани, рядом с плотиной. Помню небольшую баню на берегу Ижоры, у плотины, топил её пленный немец. Помню деревянные ворота с горящими лампочками, что стояли на месте нынешнего хлебного ларька рядом со зданием почты. Мальчишки из рогаток всё время разбивали эти лампочки. Пережили эти ворота и немецкую оккупацию. А за ними начинался, как мы тогда говорили, Новый посёлок.

Мама работала на фабрике. Перед самой войной умерла моя старшая сестра. А уже в начале осени 1941 года мама с двумя детьми выехала из посёлка. Мне было в ту пору пять лет, я ещё не понимала, что такое война. Для меня это было просто время.

Но что-то помню и я. Сидим мы все на ступеньках у входа в вокзал в городе Пушкин. Уже была ночь, на улице темно. Подходит милиционер, маму начинает бить дрожь: «Почему сидите здесь?». «На вокзале нет мест, очень много народа».

А тот милиционер помог нам найти местечко в зале ожидания. Добрались мы до Ладоги, отошли от берега пять барж. Налетели немецкие самолёты, на плаву

осталась только наша баржа. Не знаю, где нас высадили из баржи на берег, помню, что мы едем куда-то в теплушке.

Станция Анциферово, там мы прожили где-то с полгода. Нашлись родственники на станции Кабожа, в Новгородской области. Там жила двоюродная сестра, она была замужем за дежурным по станции. Нашли нам пустующий дом. Помню хлеб мёрзлый. Местные жители к нам относились по-доброму, приносили нам с маслобойки жмых. Рады были мы и этому, ведь люди уже голодали страшно.

Сохранился в детской памяти и вот этот случай, который говорит о том, что даже в войну, когда беда на всех одна, ничто человеческое не исчезало из жизни. Сидим мы с сестрёнкой, она была младше меня на два годика, у станции, а мимо идут наши солдаты. Подходили к нам, гладили по головкам, обнимали. Кто хлеб нам даст, кто-то сахаром делился. Видят ведь голодные детские глазёнки, может, и у самих дома остались такие же крохи.

Вскоре к нам добралась из Колпино папина сестра. Муж второй сестры работал на Ижорском заводе, а когда часть завода эвакуировали в Челябинск, они по пути и к нам заехали. Нас хотя бы не бомбили, не обстреливали, и это было самое главное. Только один раз я видела немецкий самолёт. Перепугались люди страшно, прятались везде, где только можно было.

А в 1945 году мы были снова в Колпино. Жить негде, мама с детьми на руках. И снова помогли простые люди. Всем было тяжело, во многих семьях мужчины не вернулись с фронта. Голод и холод, а люди помогали друг другу, делились последним. Приютили нас, можно сказать, чужие люди — дальняя-дальняя родня. Жили в комнатке на проспекте Ленина вместе с семьёй хозяев. Их пять человек, да нас двое. Младшую сестричку на время взяли к себе другие родственники. Спали в ванной, на дощатом настиле. Про папу я ничего не знала. Мама говорила, что он на фронте. Я 9 мая в день Победы приходила на площадь Труда у проходной Ижорского завода встречать папу.

В посёлок Коммунар мы вернулись в 1946 году, приехала с нами и мамина сестра. Приютила нас на Транспортном переулке семья Серяковых. У самих в семье пять человек, да нас трое. А их сын, Лёня Серяков, однажды спас меня, когда я тонула в реке. Мы ведь катались на санках с горки, на которой стоял детский сад, прямо к реке скатывались.

Мама работала на фабрике, и со временем нам дали свой угол. Заняли мы кухню в одной из квартир в деревянном доме, что стоял напротив клуба. Помню я и военнопленных. Идут колонной мне на встречу, только башмаки вразнобой стучат. Работали они на восстановлении клуба, и был среди них художник. Вот там

мы впервые увидели кафельную плитку. На плитке художник рисовал нам цветы, а мы приносили ему хлеб. У сестры моей подруги был роман с этим художником. Он вёл дневник, а когда пленных увозили, художник свой дневник передал любимой.

Спустя много лет к нам приезжал немецкий режиссер, он хотел снять фильм о любви пленных и местных девушек. «Война и любовь» должен был называться этот фильм. Я общалась с этим режиссером, я ведь всю жизнь преподавала в школе немецкий язык.

Позже нам дали более просторное жильё, и мы переехал на улицу Школьную в дом номер 25. Эти два дома в конце улицы Школьной и сегодня стоят друг против друга. В одном когда-то был госпиталь. Ко времени нашего переезда от госпиталя остались только всякие пузырьки да баночки.

Мы с сестричкой ходили в деревянную двухэтажную школу. В ту пору слово «учитель» имело вес и уважение, но бывало и так. Помню, что уроки рисования у нас вёл учитель, мы его называли Абраша. Дисциплины не было никакой. Мы на уроке бегали по партам, и он с нами. Александра Ивановна Палкина-Соколова ходила по классу с указкой «А сейчас будете отвечать Вы, Виолетта Ивановна». Козлова Валентина Ивановна, Ефремов Иван Никифорович, историк, его жена вела биологию. Лавров Александр Павлович, Суворов Пётр Георгиевич знал не только свой предмет, физику, но и произведения многих поэтов. И всегда своё недовольство выражал в стихах. «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь».

Закончила я восемь классов, дальше за учёбу надо было платить. А деньги где взять? Мама работала одна. Перешла в вечернюю школу, мама устроила меня на работу на бумагоделательной машине. Ученикам вечерней школы в то время на фабрике шли на встречу: освобождали от вечерних смен, давали премию за успехи в учёбе, оплачивали отпуск на сдачу экзаменов.

Тамара Васильевна Махнюк-Черткова, я очень многим ей обязана. Она меня благословила, и я пошла по её стопам, выбрала профессию учителя. Инна Дмитриевна Ланская организовала художественную самодеятельность, сама играла на баяне. Ездили с концертами по деревням. Она и костюмы для нас шила, могла и на заказ что-то сшить. Очень душевные были наши учителя вечерней школы. Это было начало 1950-х годов.

А в начале 1960-х я поступила на вечернее отделение педагогического института, продолжая работать на фабрике. Закончила учёбу, открылся у нас интернат, перешла на работу туда. Преподавала немецкий язык, работала и воспитателем. Подменяла учителей в средней школе. Насмотрелась я на

дети Своими воспоминаниями о жизни посёлка Коммунар и военном детстве поделилась учительница Надежда Григорьевна Яковлева. шек из интерната. Войны нет, а ребятки без родителей. Живёт мальчишка в интернате и не знает, где его родители. А те живы и здоровы, только не нужен им ребёнок. Это было страшно. Десять лет была я рядом с этими сиротами при живых родителях. Уже и сама вышла замуж, двоих детей родила. А на семью времени с такой работой не оставалось.

Я уволилась из интерната и перешла в Кобраловскую школу учителем немецкого языка. Беда пришла в дом, погиб под поездом сын. Ну, а потом до 70 лет работала в школе города Павловск. Вот так и идёт моя жизнь.

Как жили? Мирно и дружно жили. Пока были молодые, бегали на танцплощадку за клубом. Сейчас на этом месте стоит магазин «Фермер». Волейбольная площадка рядом была. Я, Рита Корнышева, Надя Царюк, Нина Матвеева. Анна Горина ездили на соревнования, играли на первенстве Ленинграда. Ходили заниматься в разные кружки, пели в хоре.

Центром культуры был клуб, библиотека не пустовала. Работала там Прасковья Ивановна. А вот фотографий с той поры у нас мало. Не было возможности, ведь фотоаппараты были редкостью. Катались на лодках, ребятня прыгала с высокой вышки».

Беседовал Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комм-инфо» № 17 (908) от 26 июня 2020 г.